
Украина в тисках: между внутренней слабостью и внешней зависимостью

Джеймс Шерр

Март 2006

Программа исследований
по России и СНГ

Французский Институт Международных Отношений (ИФРИ) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимой ассоциации (согласно французскому закону об ассоциациях 1901г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

Ответственность за мнения, высказанные в данной статье, возлагается исключительно на ее авторов.

Программа исследований по России и СНГ
©Ifri, 2006 – www.ifri.org
Institut Français des Relations Internationales
27 rue de la Procession – 75740 Paris cedex 15 – France
Тел.: 33 (0)1 40 61 60 00 – факс: 33 (0)1 40 61 60 60

Russie.Nei.Visions

«Russie.Nei.Visions» – электронная коллекция статей, посвящённая России и новым независимым государствам (Беларусь, Украина, Молдова, Армения, Грузия, Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Кыргызстан). Эти небольшие по объёму статьи подготовлены известными в своей области экспертами и являются *policy oriented* документами по политическим, стратегическим и экономическим вопросам.

Статьи, опубликованные в этой коллекции, отвечают стандартам качества ИФРИ (редакционный контроль и анонимная экспертная оценка).

Если Вы желаете получать информацию о следующих выпусках коллекции по электронной почте, Вы можете оформить подписку по адресу: info.russie.nei@ifri.org

Джеймс Шерр – старший научный сотрудник (*Fellow*) Центра изучения конфликтов (*Conflict Studies Research Centre*) при Академии обороны Великобритании и доцент (*Lecturer*) по международным отношениям в Линкольн Колледже, Оксфорд. Он также является консультантом по Украине при НАТО и ЕС и бывшим специальным советником комитета по Обороне нижней палаты британского парламента. Д. Шерр, совершивший более ста поездок в Украину, консультирует многие официальные органы и неправительственные организации в этой стране по вопросам евро-атлантической интеграции и реформы безопасности и обороны.

Оглавление

<i>Оглавление</i>	2
<i>Краткое содержание статьи</i>	3
<i>Введение</i>	4
<i>«Украина – не Россия»</i>	6
<i>Динамика разочарования</i>	9
<i>Газовый кризис: тиски сжимаются</i>	14
<i>Вместо заключения</i>	18

Краткое содержание статьи

Чуть больше года после Оранжевой революции, Украина снова оказалась в эпицентре внутренних и внешних потрясений. На первый взгляд, революция имела привела к долговременным изменениям в стране. Так, Украина отныне является демократической страной, где кипит политическая жизнь, и возврат назад к эпохе запугивания со стороны государства и политической стагнации немислим. Но революция не выполнила своих главных обещаний: создания органов власти, которые руководили бы страной во имя её интересов, а не своих собственных. За немногими исключениями, реформы не затронули функционирования институтов, унаследованных от прошлого режима, а связи по-прежнему значат больше, чем заслуги. Это не только вызвало внутренний раскол в стране, но и ещё раз доказало уязвимость Украины на международном уровне. Со своей стороны, Российская Федерация оправилась от пост-оранжевого шока; её правящая элита уверена в том, что богатство страны и её энергетические ресурсы могут быть использованы для создания своей «сферы доминирования» у границ Евросоюза. Российская газовая дипломатия в Украине, ключевом транспортном коридоре, ведущем к европейскому потребителю, лишней раз подтверждает значение развития этой страны для ЕС. Не поддаваясь давлению со стороны Украины по поводу членства в Евросоюзе, необходимо развивать реальные и взаимовыгодные каналы интеграции между ЕС и Украиной.

Взгляды автора этой статьи, являются его личной точкой зрения и могут не совпадать с официальной позицией министерства обороны Великобритании.

Введение

Стоит начать с напоминания о предсказании, которое никому не хотелось слышать в разгар избирательного кризиса 2004 года: «худшим исходом [для Украины] будет, если [Ющенко] выиграет выборы, а затем проиграет в реальной политике»¹. Можно ли говорить о поражении украинской Оранжевой революции? Или, несмотря на все ошибки и предательства (или то, что было воспринято как таковое), ей удалось оказать устойчивое и, в конечном итоге, благотворное влияние на политическое и геополитическое развитие страны? Осталось ли позади худшее, что могло случиться? Или в свете грядущих конституционных изменений и парламентских выборов в марте 2006г. худшее ещё предстоит пережить? Какое влияние окажет судьба Оранжевой революции на будущее России и Европы? И какое влияние окажут эти внешние факторы на перспективы развития Украины? Над ответами на эти вопросы должна размышлять не только Украина, которая в очередной раз оказалась на распутье между Востоком, Западом и собственной судьбой.

Четыре фактора приводят к неизбежности такого переосмысления. Во-первых, резкое падение рейтинга Виктора Ющенко среди его собственного электората. Несмотря на достаточно раннее появление резкой критики внутри страны и за рубежом после его прихода к власти, 3 мая 2005г. 47% украинцев ещё верили, что страна движется в правильном направлении (что всего на 5% меньше, чем количество сторонников, отдавших свои голоса за Ющенко в декабре 2004г.)². А в январе 2006г. уровень поддержки Ющенко снизился до 19,76% (а рейтинг его бывшей соратницы по оранжевой коалиции Юлии Тимошенко – до 12,82%)³. Во-вторых, нашумевший развод оранжевой команды в сентябре 2005г., после того, как достоянием гласности стали непримиримые разногласия внутри оранжевых сил, что вынудило президента отправить

Перевод с английского (Великобритания) Татьяны Кастуевой-Жан.

¹ Д. Шерр, «Выборы в Украине: взаимодействие внутренних и внешних факторов», *Зеркало Недели*, № 40 (515), 9-15 октября, 2004, <www.zerkalo-nedeli.com/nn/show/515/48035/>.

² 10 января 2005, Центризбирком Украины объявил В. Ющенко победителем третьего тура выборов (состоявшегося 26 декабря): он набрал 51,99% голосов по сравнению с 44,2% голосов, отданных за его соперника Виктора Януковича при уровне участия избирателей 77%.

³ Опрос, проведённый *Социс*, 18-23 января 2006, процитированный *BBC Summary of World Broadcasts: Former Soviet Union (SWB)*.

в отставку правительство и, к негодованию многих, заключить вынужденное соглашение с лидером сторонников реванша, Виктором Януковичем. Третьим фактором является конституционная реформа, в результате которой Украина после выборов 26 марта 2006г. станет полноценной парламентской республикой. Эта реформа, договорённость о которой как способе погашения конфликта в разгар избирательного кризиса 2004г. была достигнута при международном посредничестве, в итоге ещё более усугубляет неопределённость, перед которой стоит Украина. И, наконец, четвёртым фактором является несвоевременный российско-украинский газовый кризис, а может как раз наоборот – тщательно спланированный с тем, чтобы геополитически ослабить Украину, вогнав клин в малейший раскол её хрупкого политического режима.

В основе сегодняшних трудностей Украины лежит общепризнанный на сегодня факт. Оранжевая революция была действительно революцией с точки зрения вызвавшего её процесса и надежд, которыми она руководствовалась. Но её результаты нельзя назвать революционными. Ожидания на долгосрочную перспективу тех, кто поддержал революцию, были очевидны: изменить сущность, а не просто внешнюю сторону политической системы руководства, существующей в стране с 1991г. Украинцы готовы были ждать: большинство из них осознавало, что фундаментальные изменения не могут свершиться в одночасье, и предстоит долгая борьба. Но в краткосрочной перспективе на новую власть возлагались большие надежды: она должна была доказать как свою готовность, так и свою способность осуществить эти фундаментальные изменения. И такие ожидания имели под собой реальную основу. Виктор Ющенко пришел к власти 23 января 2005г., опираясь на беспрецедентный моральный авторитет, в то время как в рядах его соперников царило смятение. Кроме того, ему достались в наследство сильные президентские полномочия, закреплённые в июньской конституции 1996г. президентом Кучмой. Более того, предусмотренное сокращение этих властных полномочий в начале января 2006г. в результате конституционной реформы придавало необходимости действовать безотлагательный характер.

Так что на первый взгляд стартовые условия были максимально благоприятными. Но они не привели к появлению честности и компетентности, там, где их и раньше не было. Отсутствие этих качеств, а также решимости, всегда приводит к тому, что культурная, институциональная и геополитическая реальность берут верх над любыми временными политическими преимуществами.

«Украина – не Россия»

Если бы украинская политическая культура сводилась только к негативным характеристикам, страна никогда не стала бы объектом такого пристального внимания со стороны Запада, которое было ей уделено с момента обретения независимости. Стоит напомнить, эти позитивные характеристики. Корни страны, берущие начало от «казацкого анархически-демократического полугосударства», её этнорелигиозное разнообразие и поочерёдная принадлежность к разным империям (Речи Посполитой, гамбургской, оттоманской, российской, советской) способствовали неоднородности страны. Кроме того, они объясняют выраженное чувство недоверия, свойственное украинцам по отношению к власти, и неприемлемость ими «силовых методов решений» политических проблем⁴. Эти факторы заложили основы элементарного демократического сознания и стимулировали становление гражданского общества. Во время парламентских выборов 2002г. это сознание переросло рамки «элементарного»: большая часть электората раскусила и сумела обойти «административный ресурс» и манипуляции государства. Украинская политическая эволюция отличается от российской: если ельцинские годы привели к дискредитации демократии в России, то правление Кучмы скорее убедило украинцев в том, что в Украине нет и не было демократии. При этом Запад, поддерживающий украинские демократические преобразования, не обвиняется в «навязывании» западных моделей, тогда как в России подобные обвинения приходится нередко слышать.

Наряду с демократическим сознанием, нужно подчеркнуть и три других фактора. Первым из них является отсутствие этнических расколов⁵

⁴ Дмитрий Фурман, «Кучме достался не тот народ», *Московские новости*, 14 октября 2002, <www.mn.ru/print.php?2002-40-14>. Как отмечает не без некоторого преувеличения автор, «русское общество культурно однородно, а на Украине – два языка, четыре церкви и громадные культурные различия регионов».

⁵ Термин «этническое происхождение» редко присутствует в украинском официальном дискурсе. Согласно последней переписи населения 1989г. 22% украинцев являются по происхождению русскими. Эта цифра обманчива, поскольку многие украинских граждане родились в смешанных семьях, а в советское время поощрялся выбор русской национальности. За исключением Крыма, отношение к украинской государственности не определяется этническим происхождением. Можно привести в пример опрос жителей Киева Фондом «Демократические инициативы» в январе 1995г., который показал, что 62% этнических украинцев и 58% этнических русских выступают за независимость; с

и сепаратистских настроений – не говоря уже о гражданских конфликтах – в стране со выраженной региональной неоднородностью и ограниченным опытом государственности⁶. Вторым является осязаемое, хотя и крайне неравномерное развитие и совершенствование государственных институтов, а также чётко прослеживаемые евро-атлантические симпатии их работников⁷. И, наконец, третьим фактором является отсутствие великодержавных настроений, духа соперничества по отношению к соседям или территориальных претензий к ним.

Можно выделить и четвёртый фактор, связанный с предыдущими, которым является сознательный отказ от придания исключительного характера в отношениях с Россией и Западом. К пониманию этого нужно подходить с должной тонкостью и осторожностью. Несмотря на сосуществование в обществе крайне противоположных мнений, большинство украинцев испытывают к России чувство сильной привязанности, которому в то же время свойственна укоренившаяся двойственность, объясняющаяся их тесными, но неравноправными историческими отношениями. Нельзя оспаривать тот факт, что истории этих двух стран *тесно взаимосвязаны*, может быть даже больше, чем между такими странами как Германия и Австрия, Англия и Ирландия или Норвегия и Швеция, но, несомненно, и то, что речь идёт о двух историях, а не одной *общей* истории, о чём во всеуслышание заявляют многие представители российского политического класса. В этих двойственных отношениях симпатии к российскому *народу* сочетаются с недоверием к российскому *государству*. Но – как это довелось неоднократно наблюдать, например, во время кризиса вокруг острова Тузла⁸ в сентябре 2003г., выборов 2004г. или недавнего газового кризиса – симпатии быстро сменяются возмущением, если «братство» на деле оборачивается

другой стороны, 16% этнических украинцев и только 10% этнических русских высказываются против.

⁶ Даже на самом опасном и полном разногласий этапе выборов 2004г., сепаратистская тактика, выбранная многими политиками восточной Украины (и поддержанная московским мэром Ю. Лужковым) быстро исчерпала себя за недостатком поддержки населения. Единственным исключением из тенденций сепаратизма в Украине является автономная республика Крым, которая на самом деле лишь подтверждает это правило, потому что в отличие от 24 областей Украины, Крым был передан под её административную юрисдикцию только в 1954г., и практически 90% его русского населения (то есть 67% общего числа жителей полуострова) поселились на этой территории после депортации крымских татар в 1944г.

⁷ По этой причине, как мы писали несколько лет назад, «хотя рост гражданского самосознания усугубляет раздел между государством и обществом, он одновременно создаёт трения и внутри самого государства, порождая тем самым динамику развития внутри него». Д. Шерп, «Ukraine's Parliamentary Elections: The Limits of Manipulation» [Парламентские выборы в Украине: пределы манипулирования], *Occasional Brief*, Conflict Studies Research Centre [CSRC], апрель 2002.

⁸ Остров Тузла, расположенный в Керченском проливе, соединяющем Азовское море с Чёрным, стал предметом территориального конфликта между Россией и Украиной в 2003г.

доминированием⁹. В целом дружеские чувства к России по-прежнему сохраняются, если Россия не будет их путать с интеграцией или подчинением себе.

В силу всех этих причин, не будет преувеличением повторить слова бывшего президента Кучмы, озаглавившего свою книгу «Украина – не Россия». И нет ничего скандального в том, что Украина твёрдо выбирает про-европейский путь развития, что, впрочем, совершенно не означает, что развитие или расширение Европы имеют анти-российскую направленность. Но ни один курс не может быть реализован без соответствующей стратегии. И ни одна стратегия не может быть успешной без компетентности и ресурсов, мобилизованных для её осуществления. Ни в одном из этих отношений новое руководство страны не преуспело, а страна не продвинулась.

⁹ В январе 2006г. 95% украинцев характеризуют прекращение газовых поставок Россией как «нападение» на Украину.

Динамика разочарования

Дух Майдана – сотен тысяч тех, кто был на площади Независимости в Киеве (*Майдане Незалежності*) – был понятен и прост: Украиной должны управлять руководители, которые ставят интересы страны выше собственных. Выбор курса, который диктовался этим духом, был также ясен, хотя и непросто в реализации: преобразовать институты страны и тем самым положить конец преступной деятельности государства. При Кучме Украина на словах шла курсом реформ: но «программы» реформ, за редким исключением, не затронули ни дисфункционирование институтов, ни административную культуру, унаследованные от советского периода, ни непрозрачную систему власти, которая при руководстве Кравчука, Кучмы и их приближённых претерпела некоторые преобразования, но не исчезла. Характерные для советской политической культуры черты (раскол между государством и обществом, концентрация власти и привилегий, бессилие простого народа и «война против гражданского общества») по-прежнему оставались определяющими характеристиками постсоветской Украины. Никто и не ожидал мгновенного исчезновения этой реальности после победы Ющенко, но те, кто боролся за это, надеялись что, по крайней мере, эти проблемы будут поставлены.

Во всяком случае, они не были разочарованы в одном: по мнению Запада, как и многих украинцев, Украина из виртуальной превратилась в настоящую демократию. «Административный ресурс» государства (то есть центрального правительства) в основном перестал быть инструментом давления на политические партии, средства массовой информации, общественные организации, независимые центры общественного мнения и (в заметной степени, но ещё не полностью) на правосудие. Закончилась война против гражданского общества. Правда, закончилась она не на всех уровнях (как отмечал *Freedom House* в июне¹⁰). Она всё ещё продолжается, если говорить о местных структурах административной власти и «теневых» структурах, нелегально связанных с ними. Средний украинец (проживающий не в столице, не общающийся с министрами и не работающий в неправительственных организациях) не почувствует, что его страна стала *его* страной, пока он будет зависим от мелких чиновников и «воров в законе», которые наносят ущерб, а в некоторых случаях и разрушают его жизнь. Для этих граждан Украина

¹⁰ «Yushchenko's Disappearing Moment» [Момент отсутствия Ющенко], TOL (Transitions On-Line), Прага, 20 июня 2005.

пока ещё далека от демократии, потому что власть на местах все ещё живёт за счёт народа, вместо того, чтобы служить ему.

Закономерно возникал вопрос, в какой степени это будет осознано новыми руководителями, которые при всем своём отвращении к украинской культуре власти, являлись её частью. Конечно, Ющенко и большинство тех, кому он доверял, противопоставляли себя существующей культуре власти. В то время как бывшие «ленинисты» эпохи Кучмы не имели правильного понимания демократии, Ющенко и его ближайший круг считали себя безупречными демократами. Первым была свойственна хитрость в сочетании с конкретностью и прагматизмом, вторым – принципиальность и романтизм в видении Украины как «сердца Европы» (они чувствуют себя оскорблёнными в лучших чувствах, когда члены ЕС не разделяют этого морального императива). На самом деле, все это – лишь вариации на одну тему. Оба крыла украинского истеблишмента привыкли держать в своих руках бразды власти, но с трудом расстанутся с ней. Корни политической культуры и тех, и других основаны на связях, а не на заслугах, а главным критерием оценки человека считается его лояльность, а не профессионализм. Обе группы связаны тесными взаимопроникающими связями, *компроматом* друг на друга, страхом, а также общими взглядами и жизненным опытом. И те, и другие привыкли заботиться о частных, «субъективных» интересах союзников. И те, и другие погрязли в межклановой борьбе, потеряв из виду страну.

Таким образом, пришедшее к власти новое руководство на деле унаследовало старые инстинкты, интересы и инструменты власти. Тем не менее, для достижения поставленных целей и сохранения поддержки населения, ему предстояло в срочном порядке преодолеть три проблемы, препятствующие системным переменам в стране:

- *Раскол власти.* Ющенко пришёл к власти при поддержке идеологически разнородной коалиции, а также (по крайней мере, негласно) сил внутри мощного и обеспеченного ресурсами государственного аппарата. Он также получил финансовую поддержку от спонсоров, которыми руководили не только принципиальные побуждения, но и совершенно конкретные интересы. Кроме того, ключевым фактом является то, что Ющенко, придя к власти, мог опереться, с одной стороны, на конституцию Кучмы, а с другой, на свой огромный моральный авторитет. Эти условия должны были побудить президента взять на себя инициативу и удержать её. Вместо этого, он уступил её другим: с одной стороны, империи, которую строили Пётр Порошенко (бывшему секретарю влиятельного Национального совета безопасности и обороны – НСБОУ), Олександру Третьякову (бывшему первому помощнику президента) и противнику последнего, Олександру Зинченко (бывшему главе президентского секретариата)¹¹, а с другой, своему условному

¹¹ Хотя Ющенко и планировал первоначально трёхкратное сокращение штата президентской администрации (переименованной в президентский секретариат),

союзнику, премьер-министру Юлии Тимошенко, «нерыночные» методы экономической политики которой быстро разошлись с его собственными, не говоря уже об ожиданиях западных деловых кругов. Вместо того чтобы разрешить эти конфликты, президент позволил им набрать силу. Можно без преувеличения сказать, что в течение первых критических месяцев своего правления, Ющенко повёл себя скорее как духовный, а не как политический лидер страны.

- *Бюрократическое и правовое наследие.* Оранжевым силам достались в наследство от старого режима не только разветвлённая, вездесущая и закостеневшая бюрократия, но и правовой «порядок», ненамного отличающийся от системы «узаконенного беспредела»¹². Совокупность украинских законов, кодексов и «нормативных актов» характеризующаяся противоречиями, лакунами, разрешительными полномочиями и излишним регламентированием, не только создала благоприятные условия для процветания криминала и коррупции – она также узурпировала многие прерогативы, традиционно относящиеся к сфере предпринимательства и управления. В этих обстоятельствах, законодательная и административная реформа были просто неизбежны¹³. Тем не менее, они были обойдены стороной. Ющенко неоднократно указывал, что серьёзные реформы могут начаться только после мартовских выборов 2006г., что доказывает его наивную веру в то, что время на его стороне.

- *Дилеммы геополитики.* Пятнадцать лет спустя после обретения независимости, Украина так и не решила своих фундаментальных проблем с Россией. Официальная *независимость* Украины была принята российскими, в большинстве своём прагматически настроенными, элитами. Но её *самостоятельность* как «способность устоять» отдельно от России всегда ставилась под сомнение, как с точки зрения практической возможности, так и с точки зрения основы для сотрудничества. При Ельцине сотрудничество предполагало интеграцию; при Путине – признание первенства России. В целом, отношения Украины с Россией и Западом характеризуются тремя асимметричными аспектами. Во-первых, Россия считает украинский

показательно, что в итоге количество работников не только не подверглось сокращению, но и увеличилось. Кроме того, в структуру секретариата был вписан еще и кабинет президента Украины, руководителем которого стал первый помощник главы государства Александр Третьяков. Этот квазиорган со временем оброс своим аппаратом, численность которого превысила количество сотрудников секретариата президента. О. Дмитричева, Ю. Мостовая, С. Рахманин, Т. Силина, «Как рождалась сказка и умер миф», *Зеркало недели*, № 35 (563), 10 - 16 сентября 2005г.

<www.zerkalo-nedeli.com/nn/show/563/51196/>.

¹² Термин Франсуазы Том.

¹³ Говоря словами Людмилы Супрун, первого заместителя председателя Комитета Верховной Рады по вопросам бюджета, «ни один президент не может существенно изменить положение в стране без реформ правовой системы», интервью в *FirsTnews*, 17 июля 2005, <firstnews.com.ua/en/article.html?id=74307>, перепечатанно в *Action Ukraine Report*, 18 июля 2005.

«вектор развития» сферой своих *жизненных* интересов, а страны-члены ЕС и НАТО относят их к сфере просто *важных*. Во-вторых, отношения Украины с ЕС и НАТО относятся к сфере *внешней* политики, в то время как язык, межэлитные связи и единая деловая культура превращают Россию в структурный компонент её *внутренней* политики. В-третьих, если «европейский выбор Украины» постоянно наталкивается на кажущуюся непреодолимой стеной условий, стандартов и критериев, Россия не ставит никаких условий для интеграции, за исключением разве что соблюдения принципов «прочного добрососедства». Чем слабее Украина на внутреннем уровне, тем сильнее действует российский фактор, как во внутренних, так и во внешних отношениях. Отношения между внутренней слабостью и внешней зависимостью можно сравнить с двумя лезвиями ножниц, которые открываются и закрываются одновременно.

После победы Оранжевой революции, казалось, что этим асимметриям может быть положен конец. Тактика Путина потерпела поражение; европейская политика соседства заняла оборонительную позицию. Тем не менее, оба этих вывода оказались несколько преждевременными. С одной стороны, президент Путин счёл, что понёс поражение не от украинцев, а от Запада. Его изрядно потрепанная, но по-прежнему неумолимая геополитическая парадигма безопасности и схема интеграции на основе экономических отношений пережили поражение Януковича. С другой стороны, в глазах ЕС Оранжевая революция ещё не весомый аргумент для членства, и даже самые активные её сторонники считают, что она создаёт лишь *предварительные условия* для возможного членства и самое большее (см. резолюция Европарламента от 13 января), что может быть предложено Украине, так это «ясная перспектива интеграции... которая *возможно в конечном итоге* приведёт к членству». Выводы ясны для каждого объективно настроенного наблюдателя: Россия потерпела поражение, но не вышла из игры. «Вне зависимости от того, какие приоритеты изберёт для себя Украина, Россия может сделать проблему взаимоотношений с ней наиболее критичной»¹⁴. Таким образом, главным приоритетом внешней политики Украины должно было быть достижение успеха во внутренней политике. Но Ющенко предпочёл сосредоточиться на успехах во внешней политике, во всяком случае, на протяжении периода до сентябрьского кризиса.

Не стоит удивляться тому, что эти погрешности и упущения были не сразу замечены. Внутри Украины и за её пределами ещё шло «переваривание» последствий Оранжевой революции. Мало кто был подготовлен к новому повороту событий. Хотя некоторые резкие замечания и были высказаны оранжевой команде на экономическом форуме в июне 2005 года, большинство критиков предполагали, что украинские власти страдают проблемами роста, которые со временем

¹⁴ Д. Шерр, «Межрежимье: между внутренними и внешними факторами», *Зеркало недели*, № 1 (529), 15 - 21 января 2005г., <www.zerkalo-nedeli.com/nn/show/529/48928/>.

пройдут и не могут усугубиться. Между тем, летом 2005г. все показатели растущего разочарования были налицо. Во-первых, в середине августа отмечалось снижение поддержки власти населением: только 20% населения выступали в поддержку партии Ющенко *Наша Украина* (по сравнению с 31,6% в мае) и 10,5% за блок Тимошенко (15,5% в мае)¹⁵. Во-вторых, были преданы огласке растущие разногласия внутри оранжевой команды и самой администрации Ющенко. Пятого сентября это обостряющееся противостояние приняло драматический оборот после того, как подавший в отставку двумя днями раньше государственный секретарь Олександр Зинченко, обвинил секретаря НСБОУ Петра Порошенко и первого помощника президента Олександра Третьякова в «росте коррупции и взяточничества», «циничных» попытках «установления контроля над некоторыми инструментами власти в своих целях» и организации «информационной блокады президента». Дальнейшее развитие событий развивалось по нарастающей спирали. Восьмого сентября Ющенко не только отправил в отставку Порошенко и Третьякова, но и их основного противника, премьер-министра Юлию Тимошенко; 22 сентября он подписал Меморандум о взаимопонимании с Виктором Януковичем. Эти события омрачили быстрое формирование президентом более сплочённой команды под руководством премьер-министра Юрия Енухарова. Это лишь усилило «катастрофическое падение» его рейтинга вместо того, чтобы остановить его. Впервые 18-21 сентября 2006г. партия Регионов В. Януковича вышла на первое место по рейтингу (20,7% по сравнению с 20,5% отправленной в отставку Тимошенко и 13,9% партии Ющенко *Наша Украина*). Ещё более показательным было падение рейтинга доверия населения Ющенко. В свете этих событий возвращение России на сцену не заставило себя ждать.

¹⁵ Опрос, проведённый Центром Разумкова, 5-12 августа 2005г., процитированный в *BBC Summary of World Broadcasts: Former Soviet Union (SWB)*, 30 августа. Даже если партия Регионов Януковича переместилась на второе место, уровень её поддержки остаётся прежним (14,2%).

Газовый кризис: тиски сжимаются

Причины, динамика и потенциальные последствия так называемого газового кризиса стали объектом яростной полемики. Но кризис показал неприемлемость однозначных объяснений. Энергетические отношения между Российской Федерацией и её соседями имеют три измерения: экономическое, геополитическое и «субъективное», личное отношение власть предержащих, не всегда совпадающее с национальными интересами страны. Эти измерения – как базовые краски художника: только смешав их, можно увидеть правильный цвет.

Экономический аргумент в поддержку позиции российской «смешанной» (а по сути государственной) компании *Газпром* прост и обоснован. Советский Союз исчез в 1991г., а цены продолжали оставаться на уровне того времени. Рыночное ценообразование давно должно было прийти им на смену. Но возникла двойная проблема. Во-первых, какую цену считать «рыночной» в условиях, когда товар является незаменимым первичным сырьем, а поставщик – монополистом? Когда Организация стран экспортёров нефти дважды резко повысила цены на нефть в 1974г. и в 1979, какие цены были рыночными, старые или новые? Мы знаем только то, что в обоих случаях Европа была в состоянии заплатить. Точно так же она может позволить себе платить и цену в 230 (с небольшими вариациями) долларов за тысячу кубометров, установленную *Газпромом*. Если Украине, Грузии или другим потребителям платить такой тариф не по карману, что выгоднее для *Газпрома*: снизить цену или полностью прекратить поставки на эти рынки? Этот вопрос подводит ко второй проблеме: мы не знаем. А не знаем по причине того, что *Газпром* является совершенно непрозрачной компанией. Можно только гадать, как формируются цены, и где проходит водораздел между прибылью и потерями. Конечно, немногие энергетические компании можно считать полностью прозрачными. Пока *Газпром* не приобретёт такой же уровень транспарентности как остальные (например, российско-британская совместная компания *ТНК-ВР*¹⁶), невозможно доказать, диктуется ли цена для Украины рыночными механизмами или политическими мотивами? Когда (нужно признать, после месяцев задержек и увёрток с украинской стороны) наконец

¹⁶ Во время переговоров по контракту по поставке газа для газопровода Одесса-Броды, компания ТНК-ВР тщательно подготовила и предоставила все необходимые данные украинской стороне. Все условия контракта, включая право Украины расторгнуть контракт с трехмесячным предварительным уведомлением, были преданы гласности.

прозвучала цена, которая, со всей очевидностью, могла привести к банкротству украинской экономики, а предложения о постепенном росте цены были резко отвергнуты, напрашивается анализ стоящих за этим политических мотивов.

Присутствие геополитического измерения несомненно и лишь немногие отрицают его. Первый параграф официальной *Энергетической стратегии Российской Федерации до 2020г.* (принятой в 2003г.) определяет топливно-энергетический комплекс как «инструмент проведения внутренней и внешней политики», уточняя при этом, что «роль страны на мировых энергетических рынках во многом определяет её геополитическое влияние»¹⁷. Некоторые российские аналитики, известные своей беспристрастностью, утверждают, что *Газпром* стал инструментом для достижения цели восстановления России «в качестве одного из глобальных центров силы» и установления «сферы доминирования российских интересов»¹⁸.

Связь между экономическим и политическим измерениями была неоднократно подтверждена. В декабре 1999г. будучи ещё исполняющим обязанности президента России, Владимир Путин принял решение о прекращении поставок нефти на Украину, в пятый раз с 1991г. Кран оставался перекрытым до апреля 2000г., пока президент Кучма не согласился пойти навстречу политическим требованиям Путина. Цепь уступок привела к ряду политических отставок, в частности, тогдашнего (и нынешнего) министра иностранных дел Бориса Тарасюка (в сентябре 2000г), первого заместителя премьер-министра Юлии Тимошенко (в начале 2001г.) и, наконец, тогдашнего премьер-министра Виктора Ющенко. В августе 2004г. произошло очередное обострение отношений, закончившееся подписанием между *Газпромом* и *Нафтогазом Украины*

¹⁷ «Россия располагает значительными запасами энергетических ресурсов и мощным топливно-энергетическим комплексом, который является базой развития экономики, инструментом проведения внутренней и внешней политики. Роль страны на мировых энергетических рынках во многом определяет её геополитическое влияние». *Энергетическая стратегия Российской Федерации до 2020*, <www.minprom.gov.ru/docs/strateg/1>.

¹⁸ Д. Тренин, «Постимперский проект», *Независимая газета*, приложение Дипкуррьер, № 2, январь 2006, <www.ng.ru/courier/2006-01-30/9_project.html>. В другой более ранней статье, Д. Тренин анализирует путинскую стратегию использования экономических, культурных и межэлитных факторов «для установления и поддержки в соседних странах групп влияния, ориентированных на Москву и постепенной нейтрализации прозападных кругов» («Проект СНГ – новый приоритет российской внешней политики», февраль 2004 (копия автора)). 31 декабря 2005г. бывший экономический советник Путина, Андрей Илларионов (подавший в отставку 27 декабря) заявил, что газовая политика Кремля по отношению к Украине «не только не имеет отношения к либеральной экономической политике, но и к экономической политике вообще...Против соседей было применено энергетическое оружие» (*Eurasia Daily Monitor*, Jamestown Foundation, номер 5, 9 января 2006). 3 января он добавляет, что механизм, использующийся для определения европейских цен не применяется к Украине, и что в отношениях с ней действует принцип максимизации цены, а не дохода, что неверно с экономической точки зрения.

дополнительного соглашения к контракту 2002г., устанавливающего стабильную цену в 50 долларов за тысячу кубометров на пять лет. Мало кто мог задать себе вопрос о том, что этот договор основывался на предположении, что Украина и после Кучмы останется в «сфере влияния» России. Сравнительный анализ энергетических отношений России с Молдовой и Грузией позволяет заключить, что экономические, геоэкономические и геополитические факторы тесно переплетаются и их трудно разделить. В этом контексте, какой характер носят методические действия *Газпрома* по приобретению права собственности на нефте- и газопроводы, а также другие инфраструктуры в соседних государствах? Экономический или политический? И есть ли смысл делать различие между ними?

Существуют ещё и институциональное, и личностное измерение кризиса, может быть наиболее показательное для будущего Ющенко и его администрации. По всей очевидности, ни украинское правительство, ни НСБОУ не играли никакой существенной роли в обсуждении договора, спешно подписанного между *Нафтогазом* Украины, *Газпромом* и *РосУкрЭнерго* 4 января 2004г. Договор даже не был представлен на обсуждение НСБОУ или кабинета министров. Неуверенность по поводу цены, достигнутой в соглашении, нерыночная (но долгосрочная) цена на транзит, отсутствие информации по поводу реальных владельцев *РосУкрЭнерго*, отсутствие ясности по поводу совместного предприятия, основанного с их участием, в сочетании с журналистскими разоблачениями почти по каждому из этих пунктов создаёт мутную и зловещую картину: похоже, люди, связанные с *Нафтогазом*, бывшим режимом Кучмы и Кремлём наживаются на Украине, а может быть, и на самой России¹⁹.

В такой натянутой атмосфере, для президента и правительства оказалось невозможным перевести внимание на сомнительные достоинства соглашения (сохранение сети нефте- и газопроводов, переход от бартера к наличному расчёту, временная цена в 95 долларов как база для последующего повышения). Ещё более сложным оказалось привлечь внимание к таким базовым проблемам как отсутствие альтернативных путей поставки, недопустимости (с точки зрения Европы) дальнейшего нелегального выкачивания газа, проходящего по территории Украины и тому факту, что в ближне- и среднесрочной перспективе Россия по-прежнему останется монополистом, а Украина заложником. В этих жалких условиях, была ли другая альтернатива,

¹⁹ См. два намеренно утрированных, но достаточно убедительных анализа, опубликованных в *Зеркале Недели*: А. Ерёменко, «Шалом газават, славяне!», *Зеркало недели*, № 1(580), 14-20 января 2006г. <www.zerkalo-nedeli.com/nn/show/580/52315/> и Ю. Мостовая, «О бутонах, цветочках и ягодках», *Зеркало Недели*, № 2(581), 21-27 января 2006г. <www.zerkalo-nedeli.com/nn/show/581/52384/>. См. также анализ присутствующих в игре финансовых интересов в администрации президента в С. Шарап (Samuel Charap), «An Executive Branch Moscow Could Love» [Исполнительная власть в Москве умеет любить], *Moscow Times*, 19 января 2006, <www.themoscowtimes.com/stories/2006/01/19/006.html>.

нежели выбор меньшего из двух зол? На энергетическом «рынке», на котором доминируют непрозрачные и криминализованные структуры, с кем другим заключать соглашения, как не с ними? Как ни парадоксально, трудным оказалось даже разглядеть основную вину властей: неподготовленность к «газовой атаке», незавершенность переговоров, начатых с *Газпромом* в начале весны, когда его подход (так же как и подход Кремля) был ещё осторожным, а выставляемые условия относительно мягки. С учётом этого, неудивительно, что 11 января правительство было отправлено в отставку парламентом.

Вместо заключения

Мы начали эту статью с вопроса о том, окажут ли успехи Оранжевой революции более устойчивое влияние на развитие Украины, чем разочарования, которые она породила. Несмотря на мрачную картину нерешённых или проигнорированных проблем, вопрос далеко не риторический. Ни разочарование, ни даже чувство предательства не обязательно перерастут в ностальгию по прошлому режиму или в доверие по отношению к его так называемым наследникам. За прошедший год рейтинг Виктора Януковича колебался в пределах его обычного электората. Существенная часть украинцев, а именно 44%, проголосовала за него в декабре 2004г., задолго до каких-либо разочарований оранжевой системой. Даже в конце прошлого года, поддержка партии Регионов Януковича оставалась на уровне 26,6%, а всех «голубых» партий – в пределах 31-40%²⁰. Согласно одному из опросов общественного мнения, после недавнего скандала вокруг газового кризиса (и отправки правительства в отставку парламентом) эта поддержка упала (до 24%), а согласно другому несколько возросла (до 29,9%)²¹.

Тем не менее, самым непредсказуемым для оранжевых сил остаётся политический алгоритм, согласно которому поддержка электората превращается в количество мест в парламенте. Поскольку разочарование электората усилилось в отношении и того, и другого крыла оранжевых сил, часть голосов их электората перейдёт к партиям, которые, возможно, не перейдут необходимый трёхпроцентный барьер для представительства в парламенте. Если эти партии не наберут достаточного количества голосов, потерянный ими процент мест будет пропорционально распределён между партиями, вошедшими в парламент. В зависимости от того, какие из малых партий окажутся в

²⁰ Опрос, проведённый Киевским Международным Институтом Социологии и Киевско-Могилёвской Академией 9-20 декабря 2005. Разброс цифр отражает неустойчивую приверженность социалистов и Народной партии Украины, а также поддержку «голубых» партий, не набирающих необходимого 3% рубежа для представительства в Верховной Раде.

²¹ Первый опрос, проведённый Киевским национальным институтом стратегических исследований показывает, что *Партия Регионов* набирает 24%, *Наша Украина* – 22%, Блок Юлии Тимошенко – 15%, социалисты – 9%, коммунисты – 8% и Народная партия Украины спикера парламента В. Литвина – 5%. Другой опрос, проведённый Центром Разумкова, даёт партии Регионов 29,9%, *Наша Украина* – 19,6% и БЮТ – 13,7%.

парламенте, партия Регионов может получить 34-37% парламентских мест, а НСНУ (Народный союз Наша Украина) – 22-24,5% (цифры центра Разумкова). Если только не будет создана коалиция между партией Регионов и одним из двух оранжевых блоков, более мелкие партии – социалисты, Народный блок В. Литвинова и коммунисты – могут превратиться во влиятельную силу и не только в начале работы нового парламента, но всякий раз при поиске компромисса для принятия законодательного решения. С учетом этих неизвестных, будущее остаётся открытым.

Тем не менее, можно попытаться сформулировать три гипотезы. Во-первых, по всей вероятности будет продолжен поиск точек соприкосновения между НСНУ и партией Регионов. Создание большой коалиции между менее радикально настроенным сегодня Ющенко и переоснованной на более центристских принципах (после возможного ухода В. Януковича) партией Регионов был бы вдвойне привлекателен, так как такая коалиция может стать дорогой к стабильности и даже (как ни парадоксально в отношении духа *Майдана*) стабилизации, основанной на сделке между олигархическими интересами каждого лагеря. Она может оказаться необходимой, если примирение между Ющенко и Тимошенко невозможно. Антагонизм между блоками Ющенко и Тимошенко укрепляет стремление главных олигархов партии Регионов и их лидера, Рената Ахметова (основного источника финансирования партии Регионов) попытаться избавиться от Януковича после мартовских выборов, придать партии более центристский имидж, укрепив тем самым свои позиции для в пост-выборных переговоров.

Но во-вторых, даже если это случится, такая коалиция (Наша Украина – партия Регионов) будет неспособна достичь своих целей. Ведь даже наиболее центристские силы обоих блоков имеют слишком разное видение будущего Украины, начиная с геополитического. Кроме того, украинские олигархические интересы непросто примирить между собой, даже если говорить только о востоке страны, где взгляды и интересы Р. Ахметова и его союзников противостоят другим могущественным фигурам, в частности группе бизнесменов Союза промышленников Донбасса. Кроме того, такая коалиция рискует не просто скомпрометировать, а выставить Ющенко на посмешище. Ведь в данный момент он строит свою кампанию на имидже патриота и реформатора, оспаривая самые сомнительные аспекты газового договора, подписанного 4 января и описывая партию Регионов как силу, которая стремится превратить Украину в страну «безопасную для криминальных элементов»²². Сможет ли его репутация устоять перед резким разворотом на 180°? Не позволит ли такой поворот Юлии Тимошенко стать единственным наследником Оранжевой революции и центром агрессивной парламентской оппозиции?

В-третьих, каков бы ни был результат выборов, он может привести к дальнейшей задержке реформ, в которых Украина так нуждается. И

²² Еженедельный обзор прессы «Нашей Украины», 10 февраля 2006г.

причина этого не только в динамике построения коалиций и противостояния между ними. К этому ведёт и тот факт, что президент Ющенко пообещал вынести новую редакцию Конституции на всеукраинский референдум. Её обсуждение, принятие и мобилизация поддержки будут непростой задачей и маловероятно, что тот, кто так и не решился до сих пор на серьёзные реформы, будет способен сконцентрироваться на них в подобных обстоятельствах.

Эти гипотезы не предвещают ни лучезарного, ни мрачного будущего для Украины. Зловещие предсказания опровергаются качественными изменениями во многих сферах, обсуждение которых выходит за рамки данной статьи. Но речь, например, идёт о реформе сектора обороны и безопасности, отношениях с НАТО и ЕС. Практически все натовские специалисты, участвующие в этом сотрудничестве, подтверждают, что дух реформаторства (ощутимый даже при президенте Кучме) принял осязаемые формы. Вопреки традиции, укоренившейся в украинской административной культуре, министр обороны Украины Анатолий Гриценко не отказался полностью от лучших проектов своих предшественников, а внёс в них поправки и направил усилия на развитие механизмов их реализации. Основной задачей в этой области является преобразование системы планирования национальной обороны, сокращение личного состава вооружённых сил до 143 000 человек в 2011г. (для сравнения: 260 000 человек в середине 2005г.) и приоритетное создание совместных сил быстрого реагирования (*Joint Rapid Reaction Forces*) и сил немедленного реагирования (*Immediate Response Forces*, которые представляют 20% личного состава первых и 50% выделенного на них бюджета). Усилия по увеличению прозрачности, предупреждению нарушений и сокращению избыточных инфраструктур и чрезмерно раздутого командования уже начали приносить свои плоды, но как всегда в случае начала настоящих реформ, эти усилия наталкиваются на сопротивление. Дальнейшее продвижение в этой сфере остаётся заложником политики.

В отличие от эпохи Кучмы реформы коснулись также и ключевых сфер отношений между государством и обществом, в частности, министерства внутренних дел и СБУ (Службы безопасности Украины). Отношение этих институтов к НАТО стало также более позитивным, а традиционно благоприятные отношения между НАТО и украинским министерством обороны и вооружённых сил (в новых рамках интенсивного диалога) стали более тесными, нежели раньше. Хотя отношения с ЕС (в устаревших рамках политики нового соседства) остаются неоднозначными, тем не менее, они сместились от пустого жестукилирования к практическому сотрудничеству. Однако остаются некоторые проблемы. ЕС имеет широкий позитивный резонанс в украинском обществе (хотя и в меньшей степени, чем раньше из-за распространённого убеждения, что «никто не ждёт Украину в Европе»), в то время как вследствие косовского кризиса и войны в Ираке НАТО по-

прежнему воспринимается с явным недоверием²³. Пока Ющенко и другие про-натовски настроенные политики не отставят в сторону нерешительность и не посмотрят прямо в лицо общественным предрассудкам, членство в альянсе не будет стоять на повестке дня.

В таких неоднозначных обстоятельствах нельзя самоуверенно и опрометчиво предсказывать ни возрождение, ни поражение оранжевых сил. Если только население не будет внезапно охвачено острым желанием возмездия, тотального поражения оранжевых сил в марте не будет. Единственное, что можно с уверенностью предсказать сегодня, так это то, что внешняя политика будет более последовательной, чем внутренняя. Каков же подход Украины к внешним интересам?

Во-первых, возможен частичный возврат к политике *многовекторности*, ставящей одинаковый акцент на отношениях с Россией и Западом. Эта политика традиционно критиковалась ближайшими сторонниками Ющенко, и после его прихода к власти произошёл официальный отказ от неё. Газовый кризис продемонстрировал даже его ближайшему кругу, что эта политика была не просто признаком порочности режима Кучмы, а прежде всего слабости Украины и её зависимости от российских энергоносителей на ближайшее будущее. Некоторые вопросы продолжают оставаться табу во внешней политике: членство *де-факто* (а не на уровне деклараций) в едином экономическом пространстве под эгидой России, членство в Организации договора о коллективной безопасности, уступки по сети нефте- и газопроводов, отказ от самостоятельности в политике обороны и безопасности и «координация» внешней политики, особенно в том, что касается НАТО и ЕС. Однако, президенту и правительству понадобится опора на людей, которые, несмотря на твёрдую поддержку интересов Украины, поддерживают тесные связи с Россией и знают, как найти с ней общий язык. Время от времени им придется прибегать к жестам, манёврам и компромиссам, которые будут приводить в недоумение западных партнёров Украины и её собственных патриотов. Ключевым вопросом является вопрос о том, выдержит ли Украина выбранную линию в своей внешней политике при давлении со стороны России и возможном безразличии Запада.

Во-вторых, членство в ЕС останется непоколебимым долгосрочным политическим и моральным устремлением Украины. Члены ЕС, разделяющие эти взгляды (в частности Польша), превратятся в привилегированных, но требовательных партнёров. Тем не менее, ЕС будет по-прежнему восприниматься как структура, интересы которой на украинском направлении занимают второе место после России. В силу этих причин, политика нового соседства (которое, с точки зрения Украины, ставит её на один уровень с Марокко) остаётся эмоционально неприемлемой для неё и воспринимается как препятствие для

²³ Хотя войну вела не НАТО, а «добровольная коалиция», для украинской «информационной войны» показательно, что электорат не осведомлён об этом факте.

неотложной выработки реальных перспектив более тесной практической интеграции.

В-третьих, что касается США, несмотря на наличие широкого спектра мнений в украинском обществе, они в основном воспринимаются как неизбежный партнёр Украины, а НАТО как необходимый передаточный механизм такого партнёрства. Именно США рассматриваются как гарант в последней инстанции украинской безопасности, как единственный партнёр, сочетающий волю и способность противостоять России (в отличие от Польши), а также единственная держава, готовая пожертвовать добрыми отношениями с Россией ради Украины (в отличие от ЕС). Неизвестно, как долго продержится это представление, поскольку непонятно, насколько его разделяет Юлия Тимошенко.

С учётом этих внутренних и внешних факторов, каким должен быть подход ЕС к будущему отношений с Украиной? Евросоюз часто упускает из виду, что он является ключевым актором, в то время как этот факт не выпускается из виду в Москве и в Киеве. Иначе, почему Кремль, который 1 января был полон решимости вести борьбу, победа в которой нанесла бы удар по основам украинской экономики и нарушила бы поставки газа в Европу, внезапно передумал 4 января? Решающим фактором, который привёл к такой смене позиции, стала волна критики европейского общественного мнения, поднявшаяся против России. Из этого эпизода стоит извлечь тройной урок: Россия убедилась в том, что она настолько же зависит от европейского потребителя, как и наоборот; резкая реакция Евросоюза или опасения таковой вынудили Россию хорошенько обдумать свою позицию; благодаря этому, отношения России с ЕС пострадали намного меньше, чем могли бы, если бы ЕС отступил и не воспротивился российскому подходу. Стремится он к тому или нет, но благодаря своему богатству и могуществу, Евросоюз имеет влияние на своих соседей.

Нужно признать, что выбор им средств влияния на Украину не всегда был удачным. Во-первых, он способствовал размыванию этого влияния в силу того, что политика на украинском направлении чаще всего следовала в русле политики на российском направлении. Это не значит, что ЕС должен вести по отношению к Украине политику, которая одновременно являлась бы антироссийской. Нужно разработать отдельный подход к Украине, основанный на собственных заслугах этой страны и на чётком понимании влияния её развития на интересы ЕС. В конце концов, Украина расположена на северном побережье Чёрного моря и станет основной восточной границей ЕС после вступления Румынии, а также зоной транзита для 80% газа, импортируемого Евросоюзом из России. Интересы ЕС в безопасности и экономическом развитии этой страны, её независимости и эффективности её институтов и их демократических основ не нуждаются в оправданиях и должны приобрести самостоятельное значение и независимость от других интересов. США успешно выстроили самостоятельные и конструктивные отношения, как с Украиной, так и с Россией, и непонятно почему ЕС не может поступить таким же образом.

Во-вторых, к уменьшению влияния ЕС приводит и путаница между понятиями интеграции и членства, что свойственно – правда, в обратной пропорции – и самой Украине. Членство, как и система права европейских институтов и европейских сообществ (*acquis communautaire*), неделимо. А к интеграции можно подойти с учётом каждого конкретного случая. Если Украина стремится пользоваться правами Шенгенской зоны, а Евросоюз – укрепить безопасность своих границ, ясно, что Украина должна принять стандарты ЕС по управлению границей, его полицейские и таможенные правила. В интересах ЕС помочь Украине укрепить её эффективность в этих сферах. Если Украину интересует достижение уровня торговли и инвестиций аналогичный польскому (на сегодняшний день иностранные инвестиции на душу населения в Украине составляют одну десятую часть от уровня Польши), тогда для неё важно принять копенгагенские критерии с целью обезопасить контракты, укрепить правовое единство и прозрачность. Также важны для Евросоюза и расширение рынка, и распространение деловой культуры за пределами своих границ. Значение газа для Европы не нуждается в дополнительном объяснении. Установление энергодиалога ЕС-Украина (аналогичного диалогу ЕС-Россия) тоже не нуждается в обосновании, в частности, потому что интересы и отношения на двух направлениях не совпадают (Россия является страной-производителем и страной транзита, а Украина – импортёром и зоной транзита). Заслуживает рассмотрения вопрос о создании совместного механизма Украина-ЕС в сфере реформ энергетического сектора (по аналогии с успешно действующей совместной рабочей группой по реформе в сфере обороны).

Интеграция и дифференцированный подход к ней – как процесс поэтапного продвижения в чётко определённых сферах в пределах, определённых существующей политической волей – основывается на взаимном интересе и выгоде. Это может быть процесс по формуле 25+1 с собственными особыми механизмами. Подобный процесс не включает напрямую членства, но и не исключает его возможность. Он придаст бы позитивный импульс отношениям с Украиной (в отличие от новой политики соседства, которая привела лишь к недовольству в Киеве) и не страдал бы от проблем (и бремени) «процесса вступления». Подавая «сигналы» готовности и требуя «перспектив», как неперемных условий отношений с ЕС, Украина невольно укрепила внутри ЕС позиции тех, кто хотел бы отмахнуться от украинских надежд и не возражает против её возвращения под крыло России.

Впрочем, и Россия рассматривается большинством стран ЕС сквозь искажающую призму: вопрос «как интеграция Украины в Европу повлияет на интересы России?» естественен, но узок. Более широкий и важный вопрос заключается в том, какое влияние на европейские интересы окажет развитие России? Что больше в интересах Европы: оправдывать устаревшие геополитические взгляды Путина на безопасность или поддерживать тех в России, кто ставит их под сомнение? Будет ли российская «зона интересов», построенная на слабости соседей, а не на их силе, способствовать безопасности Евразии или подрывать её? Для «новых соседей» Евросоюза сформулировать

этот вопрос, значит ответить на него. В то время как Европейскому Союзу ещё предстоит дать свой ответ.